

DOI 10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314
УДК 81'276.6

Научная статья

Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом

А.А. Лавицкий

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

Статья посвящена проблемным вопросам терминологического пространства современной юрислингвистики, в частности понятию «правонарушение, совершаемое вербальным способом», которое активно культивируется исследователями и экспертами-практиками. В современной научной и методической литературе отсутствует общепринятая дефиниция данной лингвоправовой категории, что приводит к вариативности ее понимания. В качестве практического исследовательского материала были использованы статьи Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь. Методология работы включала метод сплошной выборки фактического материала и его статистическую обработку, дискурс-анализ, систематизацию, частично – метод параметризации и семантико-стилистического анализа.

В настоящей работе вербальный способ деяния рассматривается сквозь призму оценки предмета правового контроля, в качестве которого для рассматриваемого вида правонарушения выступает текст в самом широком его понимании. Такой подход призван нивелировать терминологическую лакуну и не допустить появления дублирующих понятий (например, «вербальное преступление»). Акцент, сделанный на предметной составляющей преступного действия, позволяет выявить три типа таких правонарушений, совершаемых: 1) преимущественно вербальным способом (доминируют в уголовном законодательстве); 2) часто вербальным способом (достаточно распространены, но в два раза реже встречается в УК, нежели первый тип); 3) вербальным способом (сопоставимы по количественным показателям со вторым типом). Результаты научного исследования представляются важными для развития собственного терминологического аппарата юрислингвистики в целом и лингвоправовой экспертологии в частности.

Ключевые слова: юрислингвистика; лингвистическая экспертология; вербальное преступление; правонарушение, совершаемое вербальным способом; Уголовный кодекс Республики Беларусь; Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях; терминология; вербальный способ деяния; вербальный контакт; коммуникативная лингвистика

Введение

Для современной науки наиболее актуальными представляются «работы с междисциплинарным осмыслением явлений языка и интеграцией их результатов в единое целое, что способствует решению сложных научных и

© Лавицкий А.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

практических задач» (Маслова, 2018: 13). В рамках указанного подхода в последние десятилетия на стыке «сложного диалектического взаимодействия юридического и языкового аспектов» (Лебедева, 2000: 49) активно развивается юрислингвистика, которая за относительно короткий промежуток времени накопила значительный исследовательский опыт, в первую очередь в решении прикладных задач. Это обусловило формирование такой подотрасли юрислингвистики, как лингвистическая (лингвоправовая) экспертология, главной задачей которой является проведение специальных исследований, востребованных в практике возбуждения и производства административных и уголовных дел. Однако возросшая по объективным причинам потребность в подготовке экспертных заключений для судебных, прокурорских и иных правоохранительных органов привела к появлению проблемы дисбаланса теоретической и практической составляющей юрислингвистики. Иными словами, «<...> исследования в области лингвистической экспертологии сразу выявили то, что теоретическая лингвистика не готова решать конкретные исследовательские задачи» (Бринев, 2009: 15). Несмотря на это «производство судебной лингвистической экспертизы требует применения объективных и проверяемых процедур идентификации признаков преступлений» (Осадчий, 2012: 498).

В этой связи следует отметить, что в условиях экспансии прикладной составляющей теоретические основы юрислингвистики нередко «подгонялись» под уже имеющиеся лингвистические заключения, «экспортировались» из других лингвистических направлений или не рассматривались сквозь призму национального законодательства. В первом случае, появился целый ряд разночтений, а также терминологических лакун, что оставляет до сих пор открытым вопрос о собственном понятийном тезаурусе рассматриваемого направления в языкознании. Исследователи отмечают, что сегодня существует объективная необходимость подготовки специального словаря юрислингвистической терминологии (Голев, 2006: 202). Это позволит избежать различного рода разночтений (в настоящее время многие понятия имеют вариативные дефиниции в различных лингвистических направлениях (Ключникова, 2015: 1376)), а также в ряде случаев ограничиться в процессе проведения прикладных юрислингвистических исследований одним лексикографическим источником. Отечественные эксперты полагают, что «ссылок на один словарь <...> в лингвистическом заключении или экспертизе не должно быть» (Колтунова, 2018), так как такого рода исследования требуют многоаспектной понятийной трактовки (Newman, 2012: 114) и алгоритмизации (O'Halloran et al., 2016: 20). И юрислингвистика последовательно движется в этом направлении. Развитие ее терминологического аппарата неизбежно, поскольку он, как и любая языковая категория, динамичен и обладает свойством саморегуляции. На постоянный онтогенез термина указывают М.Н. Володина (Володина, 2000: 27–28), Н.Ю. Зайцева (Зайцева, 2002: 16), В.М. Лейчик (Лейчик, 2007: 197) и др. Так, достаточно распространенное понятие «судебная лингвистическая экспертиза», обоснованное и детально описанное Е.И. Галяшиной, автор считает воз-

возможным пересмотреть в обозримом будущем, отмечая «несоответствие этого названия “по методам” принятому в юриспруденции и общей теории судебной экспертизы принципу наименования экспертизы по исследуемым объектам» (Галяшина, 2003: 50).

Обращаясь к терминологическому аппарату юрислингвистики, следует понимать, что основой его формирования является «экспорт» из понятийных систем других гуманитарных наук, прежде всего правоведения. Такое положение дел представляется оправданным, так как появление вариативных значений для отдельных категорий юрислингвистики недопустимо. К примеру, рассматривая оскорбление как особый вид правонарушения, эксперт-лингвист отталкивается от определения, представленного в уголовном или административном законодательстве (из этого можно сделать вывод, что многие юрислингвистические термины национально маркированы). Слепое использование в этом случае, скажем, теоретической базы коммуникативной лингвистики, где оскорбительным в определенной речевой ситуации считается, например, слово «милочка», может полностью обесценить исследовательскую работу. Однако существует и ряд терминов, которые следует признать собственно юрислингвистическими. Их описание – приоритетное направление формирования лингвоправовой терминосистемы. В данной статье мы рассмотрим одну из таких категорий – *правонарушение, совершаемое вербальным способом*, и подробно остановимся на его характеристиках в русскоязычном белорусском уголовном праве.

Интерес к национальному правовому полю Беларуси обусловлен несколькими причинами. Во-первых, это отсутствие научных школ, работающих в данном направлении, и как следствие – незначительное количество работ, посвященных лингвистическим аспектам юридического дискурса в Беларуси. Во-вторых – геополитическая и социально-экономическая значимость рассматриваемых проблем: полученные данные могут быть использованы не только для сравнительно-сопоставительного анализа, но позволят наметить пути гармонизации имеющихся разночтений в национальных законодательствах стран ЕАЭС в процессе создания единого правового пространства.

Цель

Цель данной статьи – определить понятие «правонарушение, совершаемое вербальным способом» и выявить его количественные характеристики в уголовном законодательстве.

Материалы и методы

Практическим материалом исследования послужили статьи действующей редакции Уголовного кодекса Республики Беларусь. Методологическую базу работы составили методы выборки фактического материала, его статистической обработки, дискурс-анализа, систематизации, частично – метод параметризации и семантико-стилистического анализа.

Результаты

Анализ литературы, а также специальных лингвоправовых экспертиз показывает, что одной из ключевых проблем, сдерживающих развитие данной отрасли, является отсутствие устойчивой терминологической системы. Это обуславливает объективную необходимость упорядочить понятийный аппарат проблемного поля юрислингвистики: в настоящее время остро ощущается отсутствие единства в определении многих понятий, вариативность их правовой оценки, наличие инвариантных дефиниций и др.

Проведенные научные изыскания показывают, что задача их унификации является посильной. Так, вывод о том, что в понимании категории «правонарушение, совершенное вербальным способом» следует исходить из предмета, подлежащего правовой оценке, позволил в концептуальных и прикладных исследованиях снять проблему неоднозначности трактовок и терминов, функционирующих как синонимичные. Кроме того, представленный подход позволил дифференцировать рассматриваемый вид правонарушения по типам частотности совершения его вербальным способом.

Обсуждение

Наличие терминосистемы является обязательным условием развития любого научного направления. Не является исключением и юрислингвистика, понятийный аппарат которой включает в основном заимствованные термины из области правоведения и языкознания. Однако уже сегодня очевидно, что становление данной отрасли влечет за собой и появление собственной терминологии.

Для юрислингвистической теории важно выработать собственное понимание терминологических единиц, поскольку заимствование их определений из других направлений и течений в языкознании может привести к появлению неоднозначности в обозначении специальных понятий, а следовательно, вариативности их правового толкования. С этим, например, не согласен Н.Д. Голев, считая, что «идеи коммуникативной лингвистики с сильным антропоцентрическим акцентом могут быть полезны в сфере терминоведения, в том числе юридического» (Голев, 2018). Однако мнение профессора В.А. Масловой, предупреждающей в своей работе «Основные тенденции и принципы современной лингвистики» об опасности такого подхода, представляется нам более обоснованным: «Это не только опасно, но и неправильно, а потому этот процесс (поглощения коммуникативной лингвистикой ряда отраслей лингвистики. – *А.Л.*) не может быть успешным, хотя может быть достаточно длительным» (Маслова, 2018: 176).

Аналізу функционирования юридической терминологии посвящено достаточно большое количество работ. На безусловную значимость проблемного поля указывает тот факт, что эти вопросы попадали в фокус исследовательского внимания как правоведов, так и лингвистов (О.В. Барабаша, Н.А. Бондыревой, Б.Н. Головина, Н.Д. Голева, Е.Б. Ершовой, Д.И. Милославской, М.А. Осадченко, А.С. Пиголкина, Т.В. Рыженковой, С.П. Хижняка и др.). Но несмотря на

очевидный интерес со стороны научного сообщества, отдельные термины, которые следовало бы отнести в первую очередь к юрислингвистической сфере, до сих пор не имеют общепринятых дефиниций. Такое положение дел не только противоречит сущности категории «термин», которая определяется как «слово или словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием понятия» (Официальная терминология, 2018), но и может привести к появлению правовых ошибок. К одному из таких понятий и относится правонарушение, совершаемое вербальным способом, которое в течение двух последних десятилетий вошло в активный обиход ученых и специалистов-практиков (до этого времени «лингвисты вскользь говорили о том, что язык способен на “преступные” действия» (Арутюнова, 1988: 3)). С.П. Хижняк считает «терминологичным любое слово или словосочетание, обозначающее ключевое понятие правовой нормы» (Хижняк, 1997: 56).

Парадоксально, но в специальной литературе, апеллируя к категории вербальности правонарушения, авторы достаточно редко дают ее дефиницию, в отличие, например, от терминов «вербальный контракт», «вербальный договор», определение которых можно найти в многочисленных справочных изданиях (Барихин, 2010: 39; Гревцов, Козлихин, 2008: 35), в том числе в практически вековой давности работах (Справочный коммерческий словарь, 1926: 14). Следует также отметить, что отдельные исследователи в последние несколько лет стали использовать обозначение «вербальное преступление». Разумеется, данный термин имеет право на свое существование, однако думается, что он не является самым удачным, так как его использование не только не нивелирует терминологические трудности, но ведет к возникновению новых разночтений, в первую очередь теоретического характера. На наш взгляд, это во многом связано с тем, что исследователи зачастую не предлагают никаких дефиниций, а значит, можно предположить, что в отсутствие словарного определения в понимании указанной терминологической единицы следует исходить из того, что ее значение складывается из значений составляющих ее лексем: *правонарушение – общественно вредное (или общественно опасное) противоправное и виновное деяние деликтоспособного субъекта, влекущее юридическую ответственность* (Гойман-Калинский, 2003: 129); *вербальный – словесный* (от лат. *verbum* – слово). Иными словами, данный вид правонарушения рассматривается как действие, имеющее словесную форму и нарушающее норму закона.

В некоторых работах, действительно, можно найти схожее понимание термина. Так, у А.А. Гогины находим спорное, с нашей точки зрения, объяснение: «Особенность вербального правонарушения (преступления или поступка) состоит в том, что его предметом выступает произнесенное публично словесное высказывание или конкретная фраза, распространенная письменно или устно во времени и пространстве» (Гогин, 2017: 6). Не вдаваясь в дискуссии относительно пространственного и временного континуумов, отметим лишь, что автор не совсем удачно использовал лингвистические термины, не учел возможность совершения правонарушения посредством не только словесных,

но и иных семиотических единиц. Представим пример из практики экспертной деятельности: двое несовершеннолетних обвинялись в совершении преступления, предусмотренного статьей 339 УК Республики Беларусь «Хулиганство». Задержанным инкриминировалось нанесение краской на конструкцию остановки общественного транспорта в деревне М. изображений, которые, по мнению обвинителя, являются собой рисунки мужского полового органа, что представлялось ему циничным.

Следует ли относить данный случай к вербальному преступлению? С позиции указанного выше определения – нет, так как предметом, ставшим поводом правового разбирательства, были не «публичное словесное высказывание» или «конкретная фраза». Очевидно, что таковым являлись графические изображения, циничный статус которых пытались доказать правоохранительные органы, обратившись с просьбой о подготовке соответствующего экспертного заключения. Иначе говоря, квалификационными критериями правовой оценки совершенного преступления определялись содержание и качественные характеристики объекта лингвистического исследования, поскольку сам факт порчи имущества следовало бы рассматривать как нарушение статьи 10.9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях «Умышленные уничтожение либо повреждение имущества». Однако сам факт оценки предмета правового контроля экспертом-языковедом (в данном случае мы не ставим под сомнение, что это находилось в компетенции специалиста, обладающего надлежащими лингвистическими познаниями) определяет вербальный статус преследуемого законном деяния.

В научной литературе встречаются и более удачные терминологические формулировки. Так, Е.В. Рылова понимает под вербальным преступлением «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания и направленное на причинение вреда личности, обществу или государству посредством речевой деятельности» (Рылова, 2015: 14). Не подвергая критике представленное определение, постараемся разобраться в проблеме соотношения понятия вербального преступления с видами уголовных правонарушений, то есть ответим на вопрос, какие преступления следует отнести к вербальным? Сама автор выделяла 13 (Рылова, 2014: 11–12), а позже – 16 (Рылова, 2015: 156) типов вербальных преступлений, среди которых *оскорбление, доведение до самоубийства... путем угроз, угроза убийством, дискриминация, заведомо ложный донос, публичные призывы* и др.

Рассмотрим несколько примеров, проанализировав статью 283 УК РФ «Разглашение государственной тайны» и статьи 373 «Умышленное разглашение государственной тайны» и 374 «Разглашение государственной тайны по неосторожности» УК Республики Беларусь, согласно которым наказание назначается при подтверждении фактов *разглашения сведений, составляющих государственную тайну*.

Пример 1. Гражданка Иванова, работая специалистом в одном из учреждений, имела допуск к материалам, составляющим государственную тайну. В личных беседах со своей подругой Петровой она поделилась некоторыми секретными

сведениями. Сын Петровой – журналист газеты, слышал данный разговор и использовал его содержание в своей статье, не зная, что услышанное запрещено к распространению.

Пример 2. Гражданке Сидоровой, занимавшей должность секретаря в одном из министерств, не продлили трудовой контракт. В качестве отместки она, воспользовавшись временным отсутствием своего начальника на рабочем месте, переслала с его компьютера первый попавшийся документ из папки «Секретно», будучи осведомленной, что в ней хранятся материалы, составляющие государственную тайну, на электронный адрес одной известной газеты, где и были опубликованы сведения из файлов, о правовом статусе которых редакции не было известно. Согласно должностным обязанностям, Сидорова имела официальный допуск к работе с документами, имеющими гриф секретности.

Итак, действия гражданок Ивановой и Сидоровой являются основанием для уголовного преследования за разглашение государственной тайны, несмотря на тот факт, что широкой огласке она была предана газетным изданием (и в первом, и во втором примерах редакция не знала о статусе полученных материалов). В обоих ли случаях речь идет о вербальном преступлении в представленном в вышеуказанной трактовке Е.В. Рыловой понимании? Разумеется, нет. Используя метод параметрического моделирования, актуальность применения которого в современной лингвистической экспертиологии убедительно доказывает М.А. Осадчий (Осадчий, 2016: 7–24), в определении можно выделить следующие критерии отнесения правонарушения к вербальному: 1) совершенное действие представляет опасность для личности, общества или государства; 2) является запрещенным и наказуемым; 3) реализовано в речевой деятельности субъекта. Все критерии являются облигаторными, исходя из чего пример первого преступления следует отнести к разряду вербальных, а второй – нет: разглашение информации, составляющей государственную тайну, произошло посредством передачи файла по электронной почте. При этом установлен факт, что содержание отправленного электронного документа гражданке Сидоровой известно не было. То есть инкриминируемое преступное деяние не имеет речевой основы и не может быть признано вербальным, следовательно – статус такого правонарушения как разглашение государственной тайны вариативен в зависимости от обстоятельств его совершения.

Таким образом, проанализировав найденные определения, мы ставим под сомнение успешность функционирования понятия «вербальное преступление». Логичным представляется избегать его употребления, заменяя терминологической единицей «*преступление, совершаемое вербальным способом*» (см. работу М.А. Осадчего «Русский язык на грани права» (Осадчий, 2016: 65)). Подобный подход, с нашей точки зрения, видится более успешным, так как лучше отражает вербальное предметное содержание правонарушения и позволяет соотносить это содержание не с видом преступного деяния, а с каждым конкретным случаем нарушения закона.

Но указанная терминологическая единица также требует отдельных пояснений (уточнения требует формулировка, определяющая вид правового нару-

шения, совершаемого вербальным способом). Для этого следует определить лингвоправовые критерии категории «*вербальный способ деяния*», а далее – описать виды правонарушений, реализуемые посредством вербальной деятельности. Решение обоих проблемных вопросов лежит в плоскости развития терминологического аппарата юрислингвистики.

В практике современного судопроизводства по отдельным видам административно и уголовно наказуемых деяний достаточно редко ставится под сомнение целесообразность привлечения специалистов-лингвистов (хотя к экспансии лингвистической составляющей как белорусская, так и российская юриспруденция до конца не готова). Чаще всего речь идет о подготовке специальных экспертных заключений по делам об оскорблении, клевете, призывах к экстремистской деятельности и т.п., где анализу подвергается содержание устных или письменных высказываний. В юрислингвистике принято считать, что данные преступления объединяет вербальный способ их совершения. Но наши исследования показывают, что перечень видов правонарушений, при рассмотрении которых как сторона обвинения, так и сторона защиты считают необходимым провести лингвоправовую оценку речевой деятельности, постоянно растет, что объективизировано формулировками законодательных актов: частотное использование понятий «*информация*», «*сведения*», «*данные*» и др., являющихся в первую очередь объектами лингвистической парадигмы. Следовательно, логичным представляется относить к преступлениям, совершаемым вербальным способом, все *формы противозаконных деяний, предметом правовой оценки которых является текст*. Текст в данном случае имеет самое широкое значение и включает различные виды семиотических кодов. О необходимости глубинного понимания текста, в том числе в юрислингвистике, писали И.Н. Горелов (Горелов, 2003: 37) и А.Г. Сонин (Сонин, 2005: 202).

Полагаем, что представленное определение дает возможность оценить количественные и качественные показатели преступлений, совершаемых вербальным способом. В современной практике уголовного преследования они сопоставляются с относительно небольшим количеством статей УК (около двух десятков). Однако принятый нами подход позволяет выделить более ста видов правонарушений, закрепленных в УК Республики Беларусь, совершение которых может быть реализовано посредством текстовых данных. Думается, что в российском законодательстве это число гораздо выше. Такой вывод сделан на основе анализа содержания статей уголовного законодательства и отмеченного выше квалификационного критерия – предмета правовой оценки. Рассмотрим это на нескольких примерах:

Пример 1. Против гражданки Сидоровой возбуждено уголовное дело по статье 358 УК Республики Беларусь «Шпионаж». По существу предъявленного преступного деяния обвинитель пояснил, что Сидорова, являясь секретарем приемной генерального директора закрытого военно-промышленного предприятия, пользовалась своим служебным положением и фотографировала всю техническую документацию, которая передавалась ее руководителю,

включая материалы, не имеющие грифа секретности. Электронный носитель с фотографиями она оставляла в определенном месте, там же забирала денежное вознаграждение. В личный контакт с представителями зарубежных спецслужб вступала лишь однажды (непосредственно во время ее вербовки). В своих объяснениях обвиняемая апеллировала к неосведомленности о том, что передаваемая информация составляла государственную тайну.

Пример 2. Гражданин Иванов, работающий в дипломатическом учреждении, обвиняется по статье 358 УК Республики Беларусь «Шпионаж». В основу обвинения легли аудиозаписи, сделанные на неофициальных мероприятиях, где обвиняемый вступал в непосредственный контакт с представителем посольства другой страны и устно передавал ему не подлежащую разглашению информацию, а также получал задания по сбору иных сведений, составляющих государственную и служебную тайны, за что получал денежное вознаграждение. Во время судебного разбирательства Иванов заявил, что его общение с сотрудником иностранного диппредставительства не выходило за рамки неформальной деловой коммуникации, а в содержании бесед отражены факты, не представляющие собой государственные секреты.

Итак, в первом случае предметом правового анализа является передача электронного информационного носителя с материалами, имеющими специальный гриф секретности, иностранной разведслужбе. Иначе говоря, правовой оценке подвергаются действия, фактологичность которых определяет виновность гражданки Сидоровой. Содержание передаваемых сведений в этом случае не подвергается специальной оценке, так как их правовой статус (запрет к разглашению) известен, а доводы обвиняемой могут рассматриваться судом только как смягчающие наказание обстоятельства. Во втором примере для доказательства вины гражданина Иванова суду следует установить соответствует ли действительности факт передачи им сведений работнику зарубежного дипломатического представительства и являлось ли содержание передаваемой информации (текста) секретным. Необходимость доказательства второго пункта обусловлена заявлением подсудимого об отсутствии в его высказываниях сведений, составляющих государственную тайну. Для этого требуется соответствующее экспертное заключение, которое может вынести специалист, имеющий допуск к необходимым секретным данным. Следовательно, из двух приведенных примеров второй имеет вербальную составляющую, о чем свидетельствует предмет правовой оценки уголовного правонарушения – текст. Таким образом, несмотря на то, что преступления, сопряженные со шпионажем, исследователи и специалисты-практики редко напрямую связывают со сферой интересов судебной лингвистической экспертизы, представленные примеры наглядно свидетельствуют о возможности совершения (полностью или частично) такого рода нарушений закона вербальным способом. Следует сразу оговориться, что в качестве эксперта по изучению предметной области подобных противоправных действий могут выступать не только лингвисты, но и другие специалисты, в зависимости от типа анализируемого текста и поставленных задач. В современной правоприменительной практике суд имеет право и самостоятельно проводить необходимую экспертную оценку.

Как уже отмечалось выше, в уголовном законодательстве представлен целый ряд правонарушений, имеющих вербальную основу или составляющую. При этом мы выделяем три типа таких преступлений, совершаемых:

- 1) преимущественно вербальным способом;
- 2) чаще всего вербальным способом;
- 3) вербальным способом.

Количественные показатели данных уголовных правонарушений достаточно высоки. Наши наблюдения показывают, что в УК Беларуси наиболее часто встречаются статьи, характеризующие первый тип противоправных деяний: *Принуждение, Разглашение тайны усыновления (удочерения), Разглашение военной тайны, Принуждение, Угроза убийством, причинением тяжких повреждений или уничтожением имущества, Оскорбление, Отказ в предоставлении гражданину информации, Вымогательство, Выманивание кредита или субсидий, Дискредитация деловой репутации конкурента, Установление или поддержание монопольных цен, Разглашение коммерческой тайны, Сокрытие либо умышленное искажение сведений о загрязнении окружающей среды* и др. В два раза реже встречается второй тип правонарушений: *Склонение к самоубийству, Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, Незаконное соби́рание либо распространение информации о частной жизни, Обман потребителей, Осквернение сооружений и порча имущества, Модификация компьютерной информации, Заговор или иные действия, совершенные с целью захвата государственной власти, Насилие либо угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг* и др. Сопоставимыми по количественным показателям со вторым типом являются и уголовные преступления с наиболее низкой вероятностью вербального способа их совершения: *Преступные нарушения норм международного гуманитарного права во время вооруженных конфликтов, Хищение путем злоупотребления служебным полномочием, Создание преступной организации либо участие в ней, Массовые беспорядки, Надругательство над историко-культурными ценностями, Фальсификация доказательств, Соппротивление начальнику либо принуждение его к нарушению служебных обязанностей* и др.

Заключение

Развитие собственного понятийного аппарата является важным условием поступательного развития юрислингвистики – интегративного научного направления, актуальность которого определяется прикладной значимостью исследований, востребованных прежде всего в правоприменительной практике. Это предопределяет особые требования к специальным юрислингвистическим терминам, которые должны иметь однозначное толкование, а их использование не вызывать противоречий и разночтений на правовом уровне. В этой связи обращение к теоретическому осмыслению категории вербальности в оценке правонарушения представляется весьма своевременным, так как именно она чаще всего попадает в фокус экспертного внимания лингвистов.

Понятие «*правонарушение, совершенное вербальным способом*» активно используется учеными и специалистами-практиками на протяжении нескольких десятилетий, однако до сих пор не имеет точного определения. Такое положение дел привело к тому, что отдельные исследователи стали культивировать термин «*вербальное преступление*», в понимании значения которого исходят из факта речевой деятельности субъекта, что представляется достаточно спорным, поскольку вербальную составляющую правонарушения определяет текст как предмет правового контроля. Именно факт необходимости экспертной оценки текста для правового установления истины является основанием для уточнения вербальной составляющей преступления. При этом такой статус применим не к виду преступного деяния, а каждому отдельному факту нарушения закона.

В уголовном законодательстве можно обнаружить три типа рассматриваемых правонарушений, совершаемых: 1) преимущественно вербальным способом; 2) чаще всего вербальным способом; 3) вербальным способом. Первичный анализ белорусского УК показывает, что первый тип преступлений является достаточно распространенным и охватывает около полусотни статей, оставшиеся – в два раза менее частотны.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт: монография. М.: Наука, 1988. 341 с.
- Барихин А.Б.* Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. 960 с.
- Бринев К.И.* Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: АлтГПА, 2009. 252 с.
- Володина М.Н.* Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 128 с.
- Галяшина Е.И.* Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: матер. науч.-практ. семинара. Ч. 2. М., 2003. С. 48–64.
- Гогин А.А.* Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды: учебное пособие. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2017.
- Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И.* Элементарные начала общей теории: учебное пособие / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: КолосС, 2003. 554 с.
- Голев Н.Д.* Научные и правовые термины в аспекте стихийного функционирования языка: соображения для дискуссии. URL: <http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija> (дата обращения: 18.08.2018).
- Голев Н.Д., Матвеева О.Н.* Лингвистическая экспертиза: на стыке языка и права // Юрислингвистика-7: язык как феномен правовой культуры / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 189–210.
- Горелов И.Н.* Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.
- Грецов Ю., Козлихин И.* Энциклопедия права. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 772 с.
- Зайцева Н.Ю.* Информационно-семиотическая природа термина и типология языков. СПб.: Изд-во РГПУ имени А.И. Герцена, 2002. 84 с.
- Ключникова Е.Л.* О природе юрислингвистического термина: постановка проблемы // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 4. С. 1374–1377.

- Колтунова Е.А.* К вопросу о юридическом статусе лингвистической экспертизы. URL: <https://http://koltunov-nn.ru/modules/pages/main/publications/lingvojur.html> (дата обращения: 20.10.2018).
- Лебедева Н.Б.* О метаязыковом сознании юристов и предмете юрислингвистики // Юрислингвистика-2: сборник научных трудов / под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. С. 49–67.
- Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
- Маслова В.А.* Основные тенденции и принципы современной лингвистики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16. № 2. С. 172–190.
- Маслова В.А.* Современные направления в лингвистике. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. 184 с.
- Осадчий М.А.* Русский язык на грани права. М.: Либроком, 2016. 256 с.
- Осадчий М.А.* Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы. Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 498–507.
- Официальная терминология.* URL: <https://official.academic.ru/26215/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD> (дата обращения: 19.10.2018).
- Рылова Е.* Категории вербальных преступлений в УК РФ // Юрислингвистика. 2014. № 3 (14). С. 10–25.
- Рылова Е.Д.* Уголовно-правовая характеристика вербальных преступлений и криминальных дискурсов: монография. Барнаул: Изд-во ААЭП, 2015. 180 с.
- Сонин А.Г.* Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005. 220 с.
- Справочный коммерческий словарь / под ред. Н.Г. Филимонова. М.: Издание Центрсоюза, 1926. 351 с.
- Хижняк С.П.* Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1997. 134 с.
- Newman Ch.* Section 5 of the Public Order Act 1986: The Threshold of Extreme Protes // The Journal of Criminal Law. 2012. No. 76. Pp. 105–116.
- O'Halloran K.L., Tan S., Wignell P., Bateman J., Pham D.-S., Grossman M., Vande Moere A.* Interpreting Text and Image Relations in Violent Extremist Discourse: A Mixed Methods Approach for Big Data Analytics // Terrorism and Political Violence. 2016. Pp. 1–21.

История статьи:

Дата поступления в реакцию: 11.11.2018

Дата принятия к печати: 18.03.2019

Для цитирования:

Лавицкий А.А. Русскоязычный правовой дискурс: правонарушение, совершаемое вербальным способом // Русистика. 2019. Т. 17. № 3. С. 300–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314>

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. *Сфера научных интересов:* юрислингвистика, психоллингвистика, медиалингвистика, лингвокультурология. Автор более 70 научных работ. *Контактная информация:* anton_lavitski@mail.ru

The Russian language legal discourse: offences committed verbally

Anton A. Lavitski

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 Moskovsky Ave., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The article dwells upon topical issues of the terminological space of the contemporary legal linguistics, namely the concept of the offence committed verbally which is actively used by researchers and practical experts. There is no generally accepted definition of this linguistic and legal category in contemporary scientific and methodological literature which results in variations in its understanding. The articles of the Criminal Code of the Republic of Belarus were used as practical research material. The methodology of the article included the method of overwhole selection of the material and its statistic processing, discourse analysis, systematization and, partly, parameter, semantic and stylistic analysis.

In the present paper, the verbal character of the offence is considered through the prism of evaluating the object of legal control which, for the considered type of offence, is the text in the widest sense. This approach is to complete the terminological lacuna and to prevent the emergence of duplicating notions (for example, verbal crime). Accent, which is made on the object component of the misdemeanor, makes it possible to identify three types of such offences, committed: 1) mainly verbally (they dominate in criminal law); 2) often verbally (quite frequent but twice as rare as the first type mentioned in the Criminal Code); 3) verbally (quantitatively compared to the second type). The research findings are considered to be significant for the development of the terminology apparatus of legal linguistics on the whole and linguistic and legal expert studies in particular.

Keywords: legal linguistics; linguistic expert studies; verbal crime; offence committed verbally; Criminal Code of Belarus; Administrative Offence Code of Belarus; terminology; verbal way of misdemeanor; verbal contact; communicative linguistics

References

- Arutyunova, N.D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii: otsenka, sobytie, fakt* [Types of language meanings: assessment, event, fact]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Barikhin, A.B. (2010). *Bol'shaya yuridicheskaya entsiklopediya* [Big legal encyclopedia]. Moscow: Knizhnyi mir Publ. (In Russ.)
- Brinev, K.I. (2009). *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza* [Theoretical linguistics and court linguistic expertise]. Barnaul: AltGPA Publ. (In Russ.)
- Galyashina, E.I. (2003). Ponyatiinye osnovy sudebnoi lingvisticheskoi ekspertizy [Conceptual foundations of judicial linguistic expertise]. *Theory and practice of linguistic analysis of media texts in forensic examinations and information disputes: scientific workshop materials* (pp. 48–64). (In Russ.)
- Gogin, A.A. (2017). *Verbal'nye pravonarusheniya : ponyatie, sushchnost', vidy: uchebnoe posobie* [Verbal Offences: Notion, Meaning, Types: Textbook]. Tol'yatti: Iz-vo TGU Publ. (In Russ.)
- Goiman-Kalinskii, I.V., Ivanets, G.I., & Chervonyuk, V.I. (2003). *Elementarnye nachala obshchei teorii: uchebnoe posobie* [Elementary bases of the general theory: textbook]. Moscow: KolosS Publ. (In Russ.)

- Golev, N.D. *Scientific and Legal Terms in the Aspect of Occasional Functioning of the Language: Discussion Points*. Retrieved August 18 2018 from: <http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija>
- Golev, N.D., & Matveeva, O.N. (2006). Lingvisticheskaya ekspertiza: na styke yazyka i prava [Linguistic expertise: at the borderline of language and law]. *Yurislingvistika-7: yazyk kak fenomen pravovoi kul'tury* [Legal Linguistics – 7: Language as a Phenomenon of Legal Culture]. Barnaul: Altaiskii un-t Publ. (In Russ.)
- Gorelov, I.N. (2003). *Izbrannye trudy po psikholingvistike* [Selected works on psycholinguistics]. Moscow: Labirint Publ. (In Russ.)
- Grevtsov, Yu., & Kozlikhin, I. (2008). *Entsiklopediya prava* [Encyclopedia of law]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gos. un-t Publ. (In Russ.)
- Filimonov, N.G. (1926). *Spravochnyi kommercheskii slovar'* [Reference dictionary on commerce]. Moscow: Tsentrosoyuza Publ. (In Russ.)
- Khizhnyak, S.P. (1997). *Yuridicheskaya terminologiya: formirovanie i sostav* [Legal Terminology: Shaping and Composition]. Saratov: SGU Publ. (In Russ.)
- Klyuchnikova, E.L. (2015). O prirode yurislingvisticheskogo termina: postanovka problem [On the nature of the legal term: problem statement]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 4, 1374–1377. (In Russ.)
- Koltunova, E.A. *On the issue of the legal status of linguistic expertise*. Retrieved October 20 2018 from: <http://koltunov-nn.ru/modules/pages/main/publications/lingvojur.html>
- Lebedeva, N.B. (2000). O metazykovom soznanii yuristov i predmete yurislingvistiki [About metalinguistic consciousness of lawyers and the subject of legal linguistics]. *Yurislingvistika-2: sbornik nauchnykh trudov* [Legal Linguistics – 2: Collection of Scientific Works]. Barnaul: Altaiskii un-t Publ. (In Russ.)
- Leichik, V.M. (2007). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology studies: subject, methods, structure]. Moscow: LKI Publ. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018). Main tendencies and principles of contemporary linguistics. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2, 172–190. (In Russ.)
- Maslova, V.A. (2018). *Sovremennye napravleniya v lingvistike* [Contemporary scientific schools in linguistics]. Vitebsk: VSU Publ. (In Russ.)
- Newman, Ch. (2012). Section 5 of the Public Order Act 1986: The Threshold of Extreme Protests. *The Journal of Criminal Law*, 76, 105–116.
- O'Halloran, K.L., Tan, S., Wignell, P., & Bateman, J. (2016). Interpreting Text and Image Relations in Violent Extremist Discourse: A Mixed Methods Approach for Big Data Analytics. *Terrorism and Political Violence* (pp. 1–21).
- Osadchii, M.A. (2016). *Russkii yazyk na grani prava* [The Russian language in the sphere of law]. Moscow: Librokom Publ. (In Russ.)
- Osadchii, M.A. (2012). Sudebno-lingvisticheskaya parametrizatsiya verbal'noi ugrozy [Court and Linguistic Parameters of Verbal Threats]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 6, 498–507. (In Russ.)
- Official Terminology*. Retrieved October 19 2018 from: '<https://official.academic.ru/26215/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B8%D0%BD>
- Rylova, E. (2014). Kategorii verbal'nykh prestuplenii v UK RF [Categories of Verbal Crimes in the Russian Federation Criminal Code]. *Yurislingvistika* [Legal Linguistics], 3(14), 10–25. (In Russ.)
- Rylova, E.D. (2015). *Ugolovno-pravovaya kharakteristika verbal'nykh prestuplenii i kriminal'nykh diskursov* [Criminal and legal characteristics of verbal crimes and criminal discourses]. Barnaul: AAEP Publ. (In Russ.)
- Sonin, A.G. (2005). *Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyi aspekt* [Understanding Polycode Texts: Cognitive Aspect]. Moscow: RAN Publ. (In Russ.)

- Volodina, M.N. (2000). *Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoi informatsii)* [Cognitive-informational nature of the term (based on the terminology of media)]. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ. (In Russ.)
- Zaitseva, N.Yu. (2002). *Informatsionno-semioticheskaya priroda termina i tipologiya yazykov* [The informational and semiotic nature of the term and the typology of languages]. Saint Petersburg: Herzen University Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 11.11.2018

Accepted: 18.03.2019

For citation:

Lavitski A.A. (2019). The Russian language legal discourse: offences committed verbally. *Russian Language Studies*, 17(3), 300–314. <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-3-300-314>

Bio note:

Anton Alekseevich Lavitski, PhD (Philology), Associate Professor, Head of Germanic Department of Vitebsk State University named after P.M. Masherov. *Research interests*: legal linguistics, psycholinguistics, mediallynguistics, linguocultural studies. He is the author of more than 70 scientific publications. *Contact information*: anton_lavitski@mail.ru